

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

I. КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

A. ГРЕГУАР И ЕГО РАБОТЫ ПО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЮ

В настоящее время, после смерти Ш. Диля, Анри Грегуар является наиболее видным представителем буржуазного византиноведения. Он — редактор международного византиноведческого журнала *Byzantion*, существующего с 1924 г. Под его руководством проходили международные византиноведческие конгрессы: в Бухаресте в 1924 г., в Белграде в 1927 г., в Афинах в 1930 г., в Софии в 1934 г., в Риме в 1936 г., и проводятся также научные предприятия, как, например, издание *Corpus Bruxellense* византийских историков.

Вышедший под редакцией Mauris в 1946 г. в Нью-Йорке журнал *Βυζαντινά μετὰ Βυζαντινά*, в котором напечатана благодарность известного реакционера генерала де-Голля Грегуару, „как борцу за нашу западную культуру“, прославляет Грегуара как преданного друга греческого народа, как неустрашимого борца за свободу народов и цивилизации.¹

Мы, однако, не слышали, чтобы Грегуар был взволнован великой трагедией, которую вот уже несколько лет переживает греческий народ на глазах всего мира, и чтобы он когда-либо выражал протест против бесцеремонного хозяйничанья в Греции англо-американских империалистов, распоряжающихся там, как в своей колонии. Наоборот, из того же журнала мы узнаем, что Грегуар является „поклонником английской колониальной политики“. С репутацией неустрашимого борца за свободу народов плохо мирится также то обстоятельство, что вместо благодарности Советскому государству и Советской Армии, благодаря победам которых Грегуар только и мог со своим журналом вернуться на родину в Бельгию, он счел возможным и уместным выступить в 1947 г. со злостными и клеветническими нападками против советской власти и советского византиноведения. Грегуар старается представить дело так, что за все время советской власти в области византиноведения не сделано „ничего или почти ничего“, хотя он прекрасно знает о трудах Ф. И. Успенского, Вальденберга, Мацулевича, Брунова, Лазарева, Алпатова и других советских византинистов и в своей статье вынужден признать научное значение напечатанных в „Византийском сборнике“ и других органах работ Дьяконова, Липшиц, Пигулевской, Левченко.²

Стремление представить в ложном свете положение советской науки, умалить ее достижения вытекают из всего характера научной и политической деятельности Грегуара. Мы оставляем в стороне его политиче-

¹ H. G. Mauris. Biographie de M. Henri Grégoire, p. 48.

² Académie royale de Belgique. Bulletin de la classe des lettres et des Sciences morales et politiques. 5 série, t. XXXII, 10—12 (1946). Bruxelles, 1947.

скую деятельность бельгийского журналиста-либерала, друга египетского короля Фуада и сателлита английского и американского империализма. Мы ограничимся только характеристикой его научной деятельности в области византиноведения. К этой последней целиком относятся общие черты, характеризующие современную буржуазную историческую науку, стремящуюся доказать неизбежность капитализма. Модернизация прошлого, враждебное отношение к народным массам, произвольное обращение с историческими фактами, беспомощный эклектизм или полный отказ от обобщений и выводов — вот что отличает работы буржуазных историков, вышедшие за последние годы. Можно только сказать, что среди буржуазных византинистов Грегуар стоит на наиболее реакционных, враждебных марксизму идеалистических позициях.

Грегуар — плодовитый писатель. Круг его тематики широк. В области византиноведения он занимается сборником малоазиатских христианских надписей, византийской эпопеей Дигениса Акрита и в 1942 г. напечатал большую работу об этой эпопее,³ характеристику которой дал уже А. П. Каждан и которую мы оставляем без рассмотрения.⁴

Необходимо только отметить, что А. Грегуар является сторонником А. Веселовского и его сравнительного метода. Действительно, как сама работа, так и многочисленные предварительные сообщения и этюды Грегуара по работе над византийской эпопеей, напечатанные в *Byzantion* и в других журналах,⁵ подобно работам Веселовского, рассматривают византийскую эпопею вне ее зависимости от классовой борьбы, исторической действительности, культурного уровня среды. Работы Грегуара склонны сводить изучение византийского эпоса к анализу мертвых схем, к сличению кочующих мотивов, сюжетов и образов, игнорируя тем самым национальное и конкретное историческое содержание литературного произведения, и поэтому страдают недостатками, присущими работам школы Веселовского, а именно формализмом и космополитизмом. К сожалению, А. П. Каждан недостаточно остановился на вопросе о том, как метод Веселовского отразился на книге А. Грегуара.

Предметом изучения Грегуара являются также византийско-арабские, византийско-славянские и византийско-русские отношения, „обращение“ Константина и особенно история Византии IX в. Грегуару нельзя отказать в знании источников и литературы, но во всех своих работах он обращает внимание лишь на идейные мотивы поступков людей, ограничивается внешним описанием событий, оставляя в стороне главное содержание истории — развитие материального производства, борьбу классов, внутреннюю закономерность исторического процесса. Грегуар сознательно отказывается от работ синтетического характера. В своей рецензии-некрологе, характеризуя крупного английского византиниста Бьюри, он пишет: „Бьюри был неспособен к синтезу. Общеизвестно, что синтез не был его делом. Мы, со своей стороны, убеждены, что он занимался более полезным делом. Время синтеза, „большой истории“ еще не наступило для большей части периодов византийской истории“.⁶ У Грегуара наиболее ярко проявляется присущее большинству современных

³ H. Grégoire. *Digenis Acritas. The Byzantine epic in History and Poetry with collaboration of Prof. Panos Macropoulos.* — N. National Herald, 1942.

⁴ Известия АН. Серия истории и философия, т. 5, № 2.

⁵ *Byzantion* VI. 1931. 481—503; VII, 1932, 397—420; IX, 414—416; XIV, 263—315; *Revue des études grecques*, 1933, № 46. — *Bulletin de la classe des lettres et des sciences morales et politiques de l'Académie Royale de Belgique*, XII, 1931, 436—493.

⁶ *Byzantion* XV, p. 739.

буржуазных историков враждебное отношение к народным массам, ко всем прогрессивным, реформаторским и народным движениям, имевшим место в истории Византии. Главным предметом занятий Грегуара является история Византии IX в., в частности — царствование последнего представителя Амореиской династии, Михаила III (842—867). Можно согласиться с тем, что историография Македонской династии стремилась сознательно очернить память этого императора. Но всякий беспристрастный и объективный исследователь, учитывая это обстоятельство, не может все-таки отрицать, что царствование Михаила III было пагубным для Византии, как победа реакции, победа иконопочитателей над иконоборцами и разгром плебейского движения павликиан. Ведя борьбу с паразитическим монашеством, иконоборцы делали полезное, прогрессивное дело, способное укрепить империю, и несчастьем для Византии является не их деятельность, а конечная победа иконопочитателей.

Далее, в это же царствование десятки тысяч павликиан были подвергнуты самым зверским истязаниям: их сажали на кол, топили в море; имущество их отбиралось в казну. Такова действительная и весьма мрачная картина этого царствования. Между тем именно это царствование вызывает восхищение Грегуара. Он не жалеет красок для прославления правительств Михаила III и признает это царствование „славнейшим“ в истории Византии, причем главной заслугой Михаила III, по мнению Грегуара является „восстановление православия, подавление иконоборческой и павликианской ереси“. Грегуар пишет:

„Нужно ли перечислять славу этого царствования, становясь на двойную точку зрения современников и потомства! Восстановление православия, подавление иконоборческой и павликианской ереси, восстановление образованности, сопротивление римским притязаниям, достижение и переход Евфрата, устраниение Египта, двойная угроза Криту, изгнание и затем крещение русских, победа над азиатскими арабами, усмирение и христианизация болгар, обращение в христианство Моравии — таковы основные факты этого славного царствования“.⁷ Установление того факта, что „Амореиская династия была одной из славнейших в Византии“, Грегуар считает своим важнейшим научным достижением,⁸ и в этом с ним согласна редакция журнала *Byzantion* μετὰ *Byzantion*. В статье „Предварительные заметки к биографии Анри Грегуара“ американский журнал признает, что одно из важнейших научных дел Грегуара есть реабилитация Михаила III. Такая беззащитная фальсификация истории является показателем того, как низко пала современная буржуазная историческая наука. Даже некоторые представители буржуазной позитивистской историографии чувствовали неловкость от такого произвольного толкования исторических фактов, и Шарль Диль, например, характеризовал новые концепции Грегуара относительно личности Михаила III как „парадоксальное преувеличение“.⁹

В своем стремлении превратить идеи в определяющую движущую силу истории Грегуар отказывается от материалистического объяснения проблем византийской истории даже там, где оно уже принято некоторыми представителями русской и иностранной позитивистской историографии. Известно, что разгром под Манцикертом (1071 г.), катастрофу в Малой Азии и ее потерю Византией В. Г. Васильевский и Ш. Диль

⁷ Byzantion VIII, 2; H. Grégoire. Etudes sur le neuvième siècle, p. 531.

⁸ Byzantion IX (1934), t. 2. Comptes rendus. Le premier volume du Corpus Bruxellense „Byzance et les Arabes“, t. I, p. 804.

⁹ Ch. Diehl et G. Marcais. Le monde oriental de 395 à 1081, p. 319.

объясняли исчезновением в Византии свободного крестьянства и развитием феодализационных процессов. Такое же объяснение дает и Острогорский в своей „Истории Византийской империи“. Но Грегуар решительно восстает против такого объяснения. По его мнению, „аграрные отношения, законы против крупной собственности и феодализация, иммунитет, прония и все остальное — только побочные явления“ (epiphénomènes).¹⁰ Причины катастрофы — чисто идейные и заключаются в том, что Византия, проникнутая сознанием своего превосходства, впала в чрезмерную беспечность, достигнув апогея славы и восстановления при Василии II, и вернулась к старой идее, что для государства дешевле пользоваться наемными варварами, чем содержать туземную армию.

Общеизвестно, что славяне в переходе от античности к средним векам играли не менее активную и видную роль, чем германцы, сломив вооруженной рукой сопротивление Восточно-Римской империи, захватив большую часть Балканского полуострова, проникнув в значительном количестве в оставшиеся под властью Византии области, и способствовав тем самым созданию в Византии VII—VIII вв. многочисленного класса свободных крестьян. Известно также, что славяне вместе с армянами и грузинами играли активную роль в политической жизни Византии, занимали иногда самые видные посты в византийском государственном аппарате, войске и церкви. Но Грегуар советует предать забвению обобщенную Ф. И. Успенским теорию о влиянии славян на развитие общественного строя Византийской империи и пытается всячески преуменьшить роль славян в истории Византии.

Видный византийский полководец Фома Славянин является вождем самого крупного крестьянского восстания в Византии (IX в.). Грегуар знает, что оба важнейших источника — Генесий и Продолжатель Феофана — склоняются к мнению, что Фома происходил от незнатных и бедных родителей славянского племени, поселенных на Востоке, и что обаяние его имени подготовило ему много приверженцев среди славянского населения Фракии.¹¹ Но Грегуар всё же не согласен признать Фому славянином. „До настоящего времени, — пишет он, — его [Фому] объявляли славянином на основании показания Генесия, подтвержденного продолжателем Феофана. Но второй текст Генесия говорит ясно, с точностью, которая внушает убеждение, что мятежник был уроженцем местности около Газюры, т. е. армянином. Как хорошо показал Адонц, имя скифа ничего не означает, и византийские хроники, так же как арабские, легко называли скифами, т. е. людьми варварского происхождения, несомненно армянина, как Василий Македонянин“.¹²

Однако в византийских источниках армяне никогда не называются скифами. То, что Фома был рожден около Газюры, не является показателем его армянского происхождения, а означает только, что эта славянская семья, как и множество других, переселялась на Восток. Грегуар подчеркивает, что Василий II, основатель Македонской династии, несомненно был армянин, но сам он в этом не слишком уверен. Он знает, что А. Васильев, написавший специальную работу о происхождении Василия Македонянина, допускает, что „Василий происходил от смешанного брака — армянина и славянки“. Грегуар знает, что Василий

¹⁰ Byzantion XVI, t. 2. Book Reviews, Ostrogorsky. Geschichte des byzantinischen Staates. München, 1940, SS. 545—546.

¹¹ Theoph. Cont., ed. Bonn, p. 50. Genesios, ed. Bonn, p. 32.

¹² Byzantion IX (1934). Comptes rendus. Le premier volume du Corpus Bruxellense. Byzance et les Arabes, t. I, p. 801.

происходил из низшего сословия и родился в деревне близ Адрианополя, в местности, заселенной славянами; что Лиутпранд, усердно собиравший сведения о греках в Константинополе в половине X в., ничего не слышал об армянском происхождении Василия, а установил только, что он был выходцем из Македонии, низкого происхождения;¹³ что все арабские свидетельства X в. (Гамза Исфаганский, Табари, Евтихий Александрийский, Масуди), говорящие о происхождении Василия, упорно настаивают на его славянском происхождении, в частности говорят о том, что мать его была славянка.¹⁴

В последнее время Грегуар уделяет все большее внимание проблеме византийско-русских отношений. Проблема эта действительно заслуживает серьезного внимания. В ряду исторических тем, признанных Академией Наук СССР подлежащими преимущественному изучению, очень много внимания уделено проблемам международных отношений России и в частности вопросам русско-византийских связей.¹⁵ Несмотря на имеющийся в этой области ряд ценных работ русских ученых во главе с академиком В. Г. Васильевским, история этих связей является едва ли не одной из самых темных областей русской историографии. При всем наличии огромного количества фактов, отражающих эти связи во всех областях средневековой русской культуры, отдельные — очень важные — моменты в истории сношений средневековой Руси с Византией остаются недостаточно обследованными. Поэтому инициативу бельгийского ученого в этом направлении можно было бы приветствовать, если бы она не руководилась определенной политической тенденцией. Эта политическая тенденция выражается в том, что Грегуар в настоящее время является особенно ретивым поборником „норманнской“ теории, сводящей, как известно, всю проблему Киевской Руси к варяжскому завоеванию, или к призванию варягов. Эта теория, выдвинутая еще в XVIII в. немецким историком Байером и его последователем Шлецером, оказалась необычайно живучей. Ее использовали для фальсификаций всякого рода лжеисторики, начиная от германских фашистов и кончая русскими белоэмигрантами, ныне находящимися на службе у американского империализма. Советские историки на основе тщательного изучения не только ранее известных письменных источников, но и вновь открытых археологических памятников показали, что первые государственные образования в среде восточного славянства возникли задолго до пресловутого „призвания“ варягов, что Русское государство возникло в результате внутреннего развития общественных отношений. Академик Б. Д. Греков подверг решительной критике взгляды ученых, считавших началом Русского государства так называемое призвание варягов, и обосновал новыми аргументами тезис В. О. Ключевского, что первой завязью Русского государства является образование некоторыми племенами восточного славянства военно-политического союза в Причерноморье в VI в. По вопросу о так называемом „призвании варягов“ Б. Д. Греков показал, что дело шло не о призвании варягов для создания государства и управления, а о приглашении (одной из борющихся новгородских группировок) наемного отряда скандинавских воинов. В своем ответе шведскому историку Туре Арне академик Греков разъяснил, что Рюрик, конечно, никакого государства не организовал,¹⁶ он застал в Новгороде государственный строй уже

¹³ А. Васильев. О происхождении Василия Македонянина. — Виз. Врем., т. XII, стр. 162.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См. доклад академика В. П. Волгина в № 3 „Исторического журнала“ за 1945 г.

¹⁶ „Новое Время“, 1947, № 30.

существующим. Приглашенные варяжские дружины очень хорошо поняли, что необходимо для удержания на русской почве: варяги заговорили на русском языке, называли своих детей славянскими именами, поклонялись славянским богам и быстро ославянились.

Грегуар полностью игнорирует все новейшие исследования по истории Киевской Руси, проделанные советскими историками во главе с академиком Грековым. Для него норманнская теория незыблема. Но норманистов не устраивают выводы, полученные академиком В. Г. Васильевским из анализа житий Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, о нападении руссов на византийские владения до 860 г. Поэтому Грегуар и поставил своей задачей опровержение этих выводов.

В т. XV журнала *Byzantion*, выпущенном в США во время войны, была опубликована статья, поднимающая вновь вопрос о том, имело ли место нашествие русских на Византию до 860 г. Ученица Грегуара, Жермена да Коста Луїе, сделала доклад на эту тему на всемирном V конгрессе византинистов в Риме в 1936 г.,¹⁷ а затем опубликовала его в *Byzantion*. По мнению Грегуара, ей удалось „полностью и окончательно“ опровергнуть точку зрения Васильевского. Этой статье Грегуар предпослал свое предисловие, в котором не только вполне солидаризируется с автором, но и формулирует свою точку зрения в значительно более резкой и решительной форме. По словам Грегуара, проблемы возникновения Киевского государства вообще не существует. Восточные, византийские и западные источники, совпадая удивительным образом, намечают три этапа и три даты в истории завоевания Руси Скандинавией: 1) начало IX в. — торговые связи; 2) около 839 г. — Скандинавское государство близ Новгорода под главенством правителя, который, из подражания Хазарскому, принял титул Хакана; 3) период, который начинается около 860 г., когда скандинавы основались в Киеве и оттуда произвели нападение на Константинополь. Что касается этих нападений, то из их числа было лишь два исторически достоверных: нападение 860 и 941 гг. Грегуар и Луїе забывают про поход 1043 г., в достоверности которого никто до сих пор не сомневался. Как Грегуар, так и Луїе приходят к выводу, что единственное свидетельство о древнейшем походе Руси на Византию, содержащееся в житии Георгия Амастридского, следует относить не к периоду 820—842 гг., как предполагал Васильевский, а к 941 г., т. е. отождествляют его с походом Игоря. По их мнению, исключается самая возможность этого похода в столь раннее время, так как в рассматриваемый период не существовало якобы никакого славянского государства в Южной Руси, способного угрожать Византии. Напротив, в то время русские были еще простыми торговцами, друзьями империи или войнами, нанимавшимися на службу империи и жившими, вероятно, еще в Балтике.¹⁸

Поскольку всему этому противоречит свидетельство жития Георгия Амастридского, то Грегуар и Луїе и ставят своей задачей во что бы то ни стало опровергнуть датировку его жизни, установленную Васильевским. Относя житие к числу переработок Симеона Метафраста, они утверждают, что именно тогда в него и был внесен новый отрывок о нападении Руси на Амастриду, поскольку он находится в самом конце жития. Отметим, что Грегуар и Луїе напрасно приписывают себе честь

¹⁷ *Atti del V Congresso Internazionale di studi Bysantini e Neellenici*, V, Rome, 1935, p. 85. Y eut il des invasions russes dans l'empire Byzantin avant 860? — *Byzantion* XV, pp. 231—248.

¹⁸ *Byzantion* XV, 246.

этого „открытия“. Уже много лет назад Филарет Харьковский в своей „Истории русской церкви“ доказывал, что русский эпизод жития Георгия Амастридского относится к походу Игоря; к таким же выводам приходил Д. И. Иловайский; в 1881 г. такие же взгляды развивал Гутцейт.¹⁹ А. Васильев вынужден был указать, что Грегуар и Луїе не привлекли никаких новых источников, не дали никаких новых аргументов, а их „открытие“ было сделано 60 лет тому назад.²⁰ Тем не менее А. Васильев перешел на позиции Грегуара и Луїе и в своей новой монографии „The Russian Attack on Constantinople in 860“ посвятил целую главу житиям Георгия Амастридского и Стефана Сурожского, где пытался подкрепить шаткую позицию Грегуара и Луїе новыми аргументами. Всякий беспристрастный исследователь, однако, легко убеждается, что ни Грегуару, ни Луїе, ни пришедшему к ним на помощь А. Васильеву не удалось поколебать прочно обоснованную аргументацию Васильевского, приписывающего составление жития Георгия Амастридского дьякону Игнатию, родившемуся около 770—774 гг. и умершему около половины IX в. А. Васильев вынужден признать „поразительное сходство“ в стиле несомненных произведений дьякона Игнатия и автора жития Георгия Амастридского, но, по мнению А. Васильева, и это не дает еще окончательного доказательства авторства жития. Подкрепить свое сомнение какими-нибудь вескими аргументами он не в состоянии. Он указывает только, что в авторстве жития сомневались также Никитин и Дворник.

Между тем В. Г. Васильевский методом сопоставлений цитат из жизни Георгия и несомненно принадлежащих перу Игнатия *Vita Tarasii* (ed. Heikel), *Vita Nicephori* (ed. de Boor) убедительно доказал принадлежность всех этих житий перу одного автора, ибо стиль, манера, литературные приемы, отдельные выражения, свойственные автору жития Георгия Амастридского, самым близким образом сходятся с приемами, имеющимися в литературных трудах, подписанных именем Игнатия. В своей работе „О походе Руси на Византию ранее 842 г.“ Е. Э. Липшиц новыми аргументами подкрепила положение Васильевского, что житие Георгия Амастридского принадлежит к числу произведений византийского писателя первой половины IX в.—Игнатия.²¹ Последнее, кроме соображений В. Г. Васильевского, Е. Э. Липшиц подтверждает сохранившиеся у Федора Студита стихотворениями Игнатия, данными миниатюр лицевой Хлудовской Псалтири. Е. Э. Липшиц правильно отмечает, что инициатором жития следует считать не Иоанна Амастридского, как полагал Васильевский, а знаменитого идейного вождя иконоборцев Иоанна Грамматика, с которым Игнатий был связан в иконоборческий период своей жизни и к которому обращены слова похвалы, завершающей житие Георгия Амастридского.

Высказанное Васильевским мнение о примирительном отношении Игнатия к иконоборчеству на определенном этапе его жизни находит свое подтверждение, ввиду того, что Е. Э. Липшиц отыскала стихи Игнатия иконоборческого содержания. Е. Э. Липшиц справедливо отмечает: „Обращение к иконоборческому патриарху Иоанну, заклеяемому всей последующей византийской историографией, как черно-книжник, еретик и чародей, содержащееся в похвале, завершающей

¹⁹ W. Gutzeit. Über die Lebensgeschichte des heil. Georgios v. Amastris u. die Zeithrer Abfassung. — Известия имп. Акад. наук. Петербург XXVII (1831) pp. 333—338.

²⁰ The Russian Attack on Constantinople in 860, pp. 70—88.

²¹ Е. Э. Липшиц. О походе Руси на Византию ранее 842 г. „Исторические записки“, 1948, № 26.

житие Георгия Амастридского, после рассказа о нападении русских на Амастриду, указывает вновь на то, что житие дошло до нас в своей первоначальной форме, как это установил В. Г. Васильевский, а не в переработке конца X—начала XI в. Симеона Метафраста, как то полагают Грегуар и да Коста Луйе. Немыслимо было бы предполагать, чтобы весь компромиссный характер жития по вопросам иконопочитания, и особенно похвала Иоанну Грамматику, могли быть сохранены в редакции Симесна Метафраста ко времени полного торжества иконопочитания, когда самое имя Иоанна подвергалось всяческому проклятию. Именно поэтому, вероятно, это житие и было столь мало популярно, что сохранилось только в одной рукописи.²²

А это обстоятельство является решающим. Если установлено, что житие Георгия Амастридского написано дякснсм Игнатием, то все возражения Луйе и Грегуара против выводов Васильевского должны отпасть. На помощь Грегуару, однако, приходит А. Васильев с тремя новыми аргументами, которые он называет „решающими“,²³ забывая, что два из них уже были опровергнуты Васильевским.

Самым сильным аргументом против теории Васильевского А. Васильев считает характеристику Руси в § 43 жития, как народа „хорошо известного, в высшей степени дикого и грубого“. Васильев считает невероятным такую широкую известность Руси в первой половине IX в., но не может отрицать, что русские послы в это время уже бывали в Константинополе (например, в 838/9 г.); не может он отрицать и свидетельства Ибн-Хордадбег, который говорит о существовании очень широких и развитых торговых отношений русских (славянских) купцов с обеими империями Востока—христианской и магометанской—уже в первой половине IX в. Второй аргумент Васильева заключается в подчеркивании того места жития, где говорится, что русские достигли Амастриды, идя от Пропонтиды, т. е. Мраморного моря, что, по его словам, имело место только во время похода 941 г. Но Васильевский уже разъяснил, что выражение „Пропонтида“ здесь употреблено в более широком смысле, при котором в нее включается и Босфор, и потому здесь речь идет о набеге, в котором Русь начала свой грабеж с Босфора при входе в Константинопольский пролив, а потом, держась берега, достигла Амастриды.²⁴

Столь же малоубедительным представляется и третий аргумент А. Васильева, именно ссылка на Похвалу св. Иакинфу, составленную Никитой Пафлагонским будто бы после русского нашествия 860—861 гг., в которой дается восторженное описание благосостояния города Амастриды.²⁵

„Полное умолчание Похвалы о каком-либо предшествующем опустошении Амастриды, и ее благосостояние после 860/61 г.,—пишет Васильев,—ясно показывает, что русское нападение на Амастриду, упоминаемое в житии Георгия, должно быть отнесено к позднему периоду, именно к походу Игоря 941 г.“²⁶ Но Васильев забывает, что Никита Пафлагонянин, писатель, относимый к концу IX и к началу X в., мог писать эту Похвалу тогда, когда все последствия кратковременного набега руссов были бы совершенно изглажены и самый набег забыт.

²² Е. Э. Липшиц. Цит. соч., стр. 331.

²³ The Russian Attack on Constantinople in 860, pp. 80—88.

²⁴ В. Г. Васильевский. Труды, т. III, СXXXII.

²⁵ Nicetae Paphlagonis in laudem S. Hyacinthi Amastrensis. Patr. Gr., t. 105, 421.

²⁶ The Russian Attack on Constantinople in 860, p. 88.

Таким образом, попытка Грегуара — Луйе — Васильева опровергнуть точку зрения Васильевского отнюдь не отвечает современному состоянию науки. Эта попытка сделана без привлечения всей совокупности источников, без анализа произведения Игнатия и даже с неполным использованием важнейшей литературы вопроса.

Притом житие Георгия Амастридского отнюдь не является единственным памятником, говорящим о русских нападениях на византийские владения в первой половине IX в., нападениях, которые в качестве своего рода рекогносцировок неизбежно должны были предшествовать походу руссов на Константинополь в 860 г.

Правда, Грегуар и Васильев отрицают значение жития Стефана Сурожского, как исторического источника. Васильев, ссылаясь на то, что житие Стефана Сурожского сохранилось только в славянском переводе очень поздней даты и является произведением русского книжника XV в., высказывает сомнение в том, что оно восходило к греческому оригиналу, и приходит к выводу, что „как исторический источник житие Стефана Сурожского должно быть исключено. Его текст может иметь значение только как памятник древней русской литературы“.²⁷ Грегуар считает почему-то житие Стефана только „позднейшим подражанием житию Георгия Амастридского“ и также отрицает всякое его историческое значение. Но утверждения Грегуара и Васильева бездоказательны.

Конечно, житие Стефана Сурожского, как это признавал и Васильевский, менее надежный источник, нежели житие Георгия Амастридского, но если сравнить оба параллельных жизнеописания — краткое, греческого Синаксаря (по халкинской рукописи № 75) с полным русским, то мы в состоянии воспроизвести, как это доказал Вестберг,²⁸ первоначальное подлинное греческое житие святого. Для этого нужно положить в основание греческий Синаксарь и дополнить его сведениями из русского жития. Сюда относится выселение Стефана в Константинополь в „лето“ царя Феодосия и патриарха Германа, пребывание его в Константинополе, подвижничество в монастырском уединении, обстоятельства воцарения Льва, столкновение с патриархом Германом и возведение на патриарший престол сирийца Анастасия, истязание духовных лиц, некоторые подробности обличения царя Стефаном; наконец § 28 жития, где говорится о том, что Константин V отпустил Стефана в Сурож, здесь же говорится о его епископской деятельности и, наконец, о чудесах. При таком сопоставлении биография святого производит впечатление цельности и связности и не противоречит в общем действительному ходу вещей. Поэтому нет никакой основательной причины опровергать содержание жизнеописания Стефана; также с еще большей решительностью следует признать рассказ о чудесах подлинной составной частью первоначального жития. Только благодаря греческому первоначальному источнику русский писатель XV в. не сделал никакого промаха в наименовании храма, в котором хранились останки Стефана, и правильно назвал его св. Софией.

Из описания первого чуда мы узнаем, что сам Стефан назначил своим преемником Филарета, который действительно выступает епископом в сказании о третьем чуде и был, как доказал Васильевский, современником Федора Студита.²⁹ Это историческое лицо также не мог выдумать русский книжник XV в. В отрывке о втором чуде говорится о христианском князе Юрии Тархане, ученике Стефана. Хазарский титул „тархан“

²⁷ The Russian Attack on Constantinople in 860, p. 83.

²⁸ Ф. Вестберг. О житии св. Стефана Сурожского, Виз. Врем., XIV, 1, стр. 223.

²⁹ Epistolae Theod. Studit., lib. II, № 164. Patr. Gr., t. 99, 1520.

указывает на политическую подчиненность Стефана хазарам, что соответствует исторической обстановке в Крыму в VIII в. В правление Юрия Тархана умер епископ Стефан. В 787 г. он был еще в живых, так как его имя постоянно отмечается в актах второго Никейского собора.

Спустя немного лет после смерти Стефана, когда епископом был преемник Стефана Филарет, появилась в Крыму русская рать из Новгорода под начальством Бравалина. Следовательно это событие следует приурочить к первой четверти IX в. Сообщение о том, что русские явились из Новгорода, а не из Киева, является доказательством того, что рассказ о посмертном чуде сложился раньше, чем Киев сделался центром государства и исходным пунктом для военных экспедиций.

Можно согласиться с Васильевским и Вестбергом в том, что под Корсунской царицей Анной следует подразумевать хазарскую царицу, похожую на ту, которая в том же житии названа „дочерью керченского царя“.

Поэтому Вестберг вполне прав, признавая за житием Стефана значение важного исторического документа по истории древней Руси и Таврического полуострова за первую четверть IX в. „Если иметь в виду знание лиц и событий автором жития, с одной стороны, и свежесть специальных, не известных из других источников известий, то следует полагать, что первоначальная биография нашего святого не могла быть написана позднее середины IX в.³⁰

Конечно, для Грегуара и А. Васильева гораздо легче отбросить исторический документ, объявив его позднейшей фальсификацией, нежели заниматься неблагодарным и гораздо более трудным делом его научного анализа и выяснения его историчности. Попутно мы должны отметить, что Луйе и Васильев даже не позаботились точно изложить в своих работах содержание жития Стефана. Так, Луйе пишет, что нападение Бравалина на Сурож, по житию, произошло много лет спустя после смерти святого (*plusieurs années après la mort du saint*),³¹ тогда как в тексте документа сказано наоборот: „мало лет минуо“.³² К удивлению нашему, точность цитирования и изложения изменяет на этот раз и А. Васильеву. Так, он пишет, что Стефан Сурожский претерпел мученическую смерть при Константине V. Между тем и в кратком греческом и в полном русском житии говорится, что Стефан Сурожский был отпущен Константином V в Сурож, где и умер естественной смертью. Мы знаем, что в 787 г. Стефан был в качестве епископа Сурожского участником второго Никейского собора. При такой небрежности в изложении содержания памятника, конечно, легко можно доказать его неисторичность.

Утверждая, что „норманнские викинги на юге России в половине IX в. сделали уже господами Черного моря“ (*they soon became masters of the Black Sea*),³³ Васильев и Грегуар в то же время со странной непоследовательностью хотят нас уверить, что русские, первым объектом своего нападения на византийские владения избрали саму византийскую столицу, забывая, что византийские источники недвусмысленно указывают, что нападения на столицу предшествовали опустошения и грабежи русских на всем Черноморском побережье. Так, у Скилицы-Кедрина мы читаем: „На все находящееся внутри Эвксинского понта и на все его побережье

³⁰ Ф. Вестберг. Назв. соч., стр. 223.

³¹ Byzantion XV (1940—1941), pp. 238—248.

³² В. Г. Васильевский. Труды, т. III, стр. 95.

³³ The Russian Attack on Constantinople, p. 81.

нападал русский флот (народ же рос-скифский, живущий у северного Тавра, дикий и грубый), и на самый царствующий град навлекли они страшную опасность".³⁴

Далее они же пытаются нас уверить, что только в 941 г. была ситуация, отображенная в житии Георгия Амастридского, т. е. только тогда русские сначала проникли в Пропонтиду, т. е. Мраморное море, а затем, покинув Пропонтиду, достигли Амастриды. „Мы, — пишет Васильев, — имеем абсолютно точное представление об объеме русских операций в 941 г.: от Никомидии, другими словами от Пропонтиды и Мраморного моря на юге до Пафлагонии на севере. Это меня абсолютно убеждает, что история, рассказанная в житии Георгия Амастридского, имеет дело с экспедицией Игоря".³⁵ Однако все византийские источники (Симеон Логофет, продолжатель Феофана, житие Василия Нового) сообщают, что флот Игоря не проник в Мраморное море, а у самого входа в Босфор (ἐπεὶ δὲ πλησίον τοῦ ἐν τῷ Ευζείνῳ πόντῳ φάρων ἐγένοντο, ἐν τῷ Ἱερῷ λεγομένῳ) встретил византийский флот, потерпел поражение; множество монокилов было истреблено греческим огнем. Остатки русской флотилии устремились к побережью Вифинии, откуда отдельные их отряды производили набеги внутрь страны. Точное определение территории, опустошенной русскими, дает только житие Василия Нового.³⁶

Житие рассказывает, что после того, как в Иероне русским был прегражден путь в пролив, они высаживались отдельными отрядами на азиатском берегу Босфора и проникали внутрь страны до Ираклеи Понтийской и до Пафлагонской фемы. Но внутрь этой фемы и до Амастриды они все-таки не проникли, так как конечным пунктом опустошения морского побережья показана Ираклея Понтийская. В житии сказано: „они пробрались до Ривы, простирая набеги до Понтийской Ираклеи и Пафлагонии, пройдя всю Никомидийскую область (ἔφθασαν δὲ μέχρι πόντον Ἱρακλείας καὶ Παφλαγονίας ἅπασαν δὲ τὴν στρατηγίδα Νικομηδείας διελθόντες).

Таким образом источники убеждают нас в том, что в 941 г. русские, во-первых, не проникали в Пропонтиду, если под ней подразумевать Мраморное море, как в этом пытается нас уверить Васильев, а во-вторых, не могли достигнуть и Амастриды. А в связи с этим рушатся и все построения Грегуара, да Коста Луйе и поддерживающего их Васильева. И если Васильев во введении к своей книге жалуется на „волну гиперкритицизма, охватившего умы многих выдающихся западных ученых“, то его самого с полным основанием можно упрекнуть в необоснованном гиперкритицизме по отношению к житиям Георгия Амастридского и Стефана Сурожского.

Тенденциозное отношение Грегуара к событиям древнерусской истории еще более ярко выявляется в его работах, посвященных походу Олега 907 г. на Константинополь. Подпав под влияние идей русского белоэмигранта Баумгартена, который в эмиграции стал историком и ярким норманистом, Грегуар заразился его гиперкритицизмом в вопросах древней русской истории.³⁷ Между 860 и 941 гг. Грегуар не знает никаких достоверных дат русской истории.³⁸

³⁴ Georgii Cedreni, ed. Bonn, II, 173; Theophani Continuat. Patr. gr., t. 109, p. 210.

³⁵ Vasiliiev. Op. cit.

³⁶ Pseudo Symeoni Magistri, 442—443. Migne, Patr. gr., t. 109.

³⁷ N. de Baumgarten. Aux origines de la Russie. Roma, 1939. Orientalia christiana anal. № 119, pp. 5—80. — Seminarium Condacovianum XI, 227.

³⁸ Byzantion XI (1936); H. Grégoire. Miscellanea epica et ethymologica, p. 602.

„Самая личность Олега, — пишет Грегуар, — совершенно легендарна. Что касается похода на Константинополь, то никто в это больше не верит. Нечего доказывать, что Константинополь не был осажден в 907 г. Царствование Льва VI нам хорошо известно благодаря множеству источников, и поход Олега абсолютно не может быть включен в анналы этого царствования“.³⁹ По мнению Грегуара, летописная легенда о походе Олега была заимствована из искаженного рассказа об одном из действительно бывших походов (860 или 941 гг.) или из эпического произведения, смешавшего эти экспедиции. Торговые договоры Руси с Византией в 907 или в 911 г. Грегуар считает невозможными.

„Если Византия Льва Мудрого не имела дела с русскими, — пишет Грегуар, — то она почти все время сталкивалась с болгарами Симеона. Шахматов считал, что в летописи Нестора ряд мест, говорящих об Олеге, заимствован из болгарской летописи, где говорилось о деяниях Симеона, которые были перенесены на Олега. Таким образом, ряд сказаний о Симеоне и болгарах перешел на счет мифического Олега. Легенда об Олеге и немыслимом для этого времени русском походе возникла потому, что в это время болгары угрожали Константинополю и во главе их стоял болгарин, представлявший Симеона так же, как мифический Олег представлял Игоря, причем этот болгарский боярин носил имя Олега“.⁴⁰

По мнению Грегуара, легенда об Олеге имеет эпиграфическое происхождение. Грегуар ссылается на найденную в 20 километрах от Фессалоник надпись на пограничном между Византией и Болгарией столбе, в которой упоминается Феодор, великий тархан, причем в подлиннике написано ἐπὶ Θεοδώρου ὀλοῦ τραχανοῦ (ὀλοῦ — турецкий, ὀλοῦ — великий). Видя эти надписи на множестве пограничных столбов, русские путешественники, „приученные рассматривать имя Олега как типичное для русского князя“, преобразили этого ὀλοῦ болгарской надписи в князя Олега, нападающего на Константинополь: Кроме того известно, что этот боярин, упоминаемый в болгарской надписи, вел переговоры с византийцами в 895 и 913 гг., и так как причиной болгарско-византийских войн при Симеоне были торговые споры, то война кончилась торговым договором между Византией и Болгарией, текст которого до нас не дошел, но киевские летописцы определенно знали о нем из болгарских источников. Несомненно, по Грегуару, этот договор имел подпись болгарского министра, того же самого, чье имя мы встречаем на пограничных столбах с титулом ὀλοῦ τραχανοῦ. Отсюда в русской летописи и появилась легенда о заключении великим князем Олегом торгового договора с греками.⁴¹

Домыслы Грегуара встретили обоснованную критику Острогорского, который правильно назвал их „фантастическими“.⁴² Действительно, отрицание Грегуаром Олега, как исторической личности, не заслуживает даже рассмотрения и объясняется только недостаточным его знакомством с русскими источниками и литературой. Ошибочно также утверждение Грегуара о „множестве“ византийских источников для времени похода Олега, так как продолжатель Феодана, продолжатель Георгия Монаха, Лев Грамматик, Феодосий Мелитенский, Псевдо-Симеон только переписывают и пересказывают Симеона Логофета. Таким образом, для времени

³⁹ Ibid.

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ H. Grégoire. Byzantion. XI (1936), t. 2.

⁴² Seminarium Condacovianum (1939). Expédition du Prince Oleg contre Constantinople en 907, pp. 47—62; 296—298.

похода Олега есть только один византийский источник, написанный во второй половине X в. и дающий довольно скудные данные для царствования Льва Мудрого. Молчание множества источников сводится к молчанию одного источника. Что византийские источники иногда умалчивали об очень важных событиях, показывает тот факт, что крещение Руси при Владимире не упоминается ни в одном из них. Никто не будет отрицать, что летописный рассказ о походе Олега на Константинополь содержит ряд легендарных подробностей, но включенный в нашу летопись договор, датированный точно 2 сентября 911 г., не вызывает никаких сомнений в целом ни по содержанию, ни по форме, ни по языку. Его текст есть несомненный и буквальный перевод с греческого мирного договора, заключенного в 911 г. между посланниками Олега, которые перечисляются поименно, и византийским правительством. Договор 911 г. дает очень точную дату — 2 сентября (15 индикта) 6420 г. Цифры индикта и года совпадают и показывают, что договор был заключен 2 сентября 911 г. Совершенно правильно сказано, что договор был заключен в правление трех императоров — Льва, Александра и Константина. Совместное правление этих трех императоров продолжалось в течение короткого срока — с 9 июня 911 г. (день коронации Константина VIII) до 11 мая 912 г. (день смерти Льва VI), и именно к этому краткому периоду относится договор, заключенный 2 сентября 911 г.

В то время как самый договор упоминает трех императоров, рассказ летописи о нападении Руси на Константинополь в 907 г. и о предварительном соглашении упоминает только двух императоров, что совершенно правильно, так как в годы, предшествующие окончательному договору (до 9 июня 911 г.), были только два императора. Далее, договор 911 г. упоминает о предварительном соглашении, в котором, очевидно, были те же статьи, которые вошли в окончательный договор. Договор 911 г. содержит статью, дающую русским право зачисляться в императорское войско, что подтверждается книгой церемоний Константина Порфирородного, которая сообщает, что уже в 910 г. русские в количестве 700 человек участвовали в походе Имерия на Крит и получали определенное содержание.⁴³

По договору 911 г. русским предоставлялись значительные привилегии. Если отбросить поход Олега, то становится непонятным, почему греки дали русским такие значительные привилегии, как, например, право торговать беспошлинно. Наконец, в самом тексте договора 911 г. есть прямое указание, что этому договору предшествовали военные действия. В самом начале договора сказано „по первому убо слову да умиримся с вами, грекы“.⁴⁴ Совершенно ясно, что не было смысла заключать мир, если этому договору не предшествовала война.

В своем ответе Острогорскому⁴⁵ Грегуар уже не поднимает вопроса о мифичности Олега, о подлинности и точной дате договора, заключенного в 911 г. Олегом с византийским правительством, а отрицает только русский поход на Константинополь 907 г., ссылаясь на молчание источников.

Мы подробно остановились на некоторых работах Грегуара, чтобы показать советскому читателю их тенденциозную направленность, произвольное обращение видного представителя современного буржуазного

⁴³ De Saerim., p. 651.

⁴⁴ „Повесть Временных лет“ по Лаврентьевскому списку. 2-е учебное издание Постоянной археографической комиссии АН СССР, стр. 33.

⁴⁵ Byzantion, XIV, pp. 379—380.

реакционного византиноведения с историческими фактами. Справедливость требует признать, что такое произвольное истолкование характерно не только для его работ в области русско-византийских отношений. Ввиду того, что наша характеристика слишком затянулась, мы ограничимся немногими примерами. Хорошо известно, что в период победы христианства в IV в. последним убежищем язычества оставалась деревня. Таковой была сирийская деревня в описании Либания.⁴⁶ Еще в VI в., при Юстиниане, Иоанн Эфесский, конечно „при содействии“ властей, обращает в христианство 70 тысяч малоазиатских язычников.⁴⁷ Между тем Грегуар в рецензии на книгу Bidez, *La vie de Julien* заявляет, что „уже при Юлиане силой христианства была Малая Азия, особенно деревня, анатолийский хинтерланд. Эти крестьяне, горцы Писидии, Исаврии, Фригии, Киликии были в ту пору фанатичными христианами“.⁴⁸

Работа советского историка, проф. Дьяконова, „Византийские димы и факции в V—VII вв.“ впервые показала, в чем заключалась программа венетов и прасинов, этих своеобразных политических партий Византии, за что они боролись и что их разделяло. В результате влияния этих партий политика императоров V—VI вв. представляла постоянные колебания, и императоры распадаются на две группы. Одни преимущественно держатся восточной ориентации, интересуются больше финансовой политикой, чем военной, борются с варварами золотом и дипломатией, опираются больше на двор, чем на сенат, поддерживают монофизитов и вместе с тем покровительствуют прасинам (Феодосий II, Зинон, Анастасий). Другие преимущественно держатся западной ориентации, больше интересуются военными делами, ведут борьбу с монофизитами и являются сторонниками венетов (Юстиниан II, Тиверий, Маврикий).⁴⁹

Между тем Грегуар со своей ученицей Ивонной Янсенс, пуская в ход искусственные аргументы, пытаются во что бы то ни стало доказать, что Маврикий, император армянского происхождения, поддерживал „зеленых“, покровительствовал монофизитам, за что и получил прозвище маркионита.⁵⁰ Они закрывают глаза на такие очевидные факты, как восстание под прасинским знаменем в Египте против Маврикия.⁵¹ Это значит, что политика Маврикия была благоприятна для венетов, т. е. для греко-римских крупных землевладельцев, а не для прасинов. Особенно показательно, что Маврикий подверг жестокому преследованию восточных монофизитов, дав на это широкие полномочия своему соотечественнику епископу Мелитенскому Домициану, который был для него самым близким человеком и советником по всем делам.⁵²

Известно также, что в 602 г., когда началось восстание войска на Дунае, венеты были безусловно лояльны, прасины же жаловались на префекта претория Константина Лардиса, отказывая тем самым правительству в своей поддержке. Они же приняли активное участие в перевороте 602 г. в Константинополе и сожгли дом префекта претория Лаодиса. Безусловной ошибкой является утверждение Грегуара, что

⁴⁶ Libanii Opera III, 409, ed. Foerster.

⁴⁷ А. Дьяконов. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб., 1907, стр. 67.

⁴⁸ Byzantion V, t. 2, p. 722.

⁴⁹ А. П. Дьяконов. Византийские димы и факции в V—VII вв. Византийский сборник, стр. 214.

⁵⁰ Byzantion XV, Maurice le Marcioniste, p. 395. Ivonne Janssens. Les Bleus et les Verts sous Maurice; Phocas et Heraclius. Byzantion, 1936, XI, 2, pp. 499—536.

⁵¹ I. Ephes. V, 19; I. Nik. 99, p. 536.

⁵² Дьяконов. Назв. соч., стр. 224.

конец политической роли факций был положен Константином III.⁵³ Мне уже приходилось приводить свидетельство Георгия Амартола о том, что Юстиниан II в 695 г. был свергнут димом венетов (ed. de Boor, II, 731), — для опровержения общераспространенного среди византинистов мнения, что правление Ираклия или Константина III, как думает Грегуар, является временем падения политической роли партий цирка. Свидетельство Амартола показывает, что партия „голубых“ играла крупнейшую роль в самом конце VII в.⁵⁴

Такие же бездоказательные утверждения мы находим у Грегуара в его работе о древнейшем местопребывании венгров.⁵⁵

Известно, что происхождение мадьяр следует выводить из южного Приуралья и Поволжья. Автор армянской „Географии“, памятника, написанного не ранее VIII в., знал племя бушков, кочевавшее восточнее р. Волги и бывшее ближайшим соседом переместившихся к Волге хазар. Эти бушки и есть башкиры — „баджгард“ арабских источников, предки современных башкир и венгров. Из своего прежнего местожительства к востоку от Волги мадьяры были повидимому вытеснены печенегами, которые и в дальнейшем продолжали их теснить на запад. По словам Константина Порфирородного, мадьяры поселились в Причерноморских степях, в местности, которая называлась Лебедией. Точное местонахождение этой страны неизвестно, но несомненно, что она находилась в Северном Причерноморье, между Доном и Днепром. Хазары быстро подчинили мадьяр своему влиянию. Однако пребывание мадьяр в Лебедии было немногим древнее вторжения печенегов. По данным Константина Порфирородного, мадьяры прожили вместе с хазарами в Лебедии всего три года.⁵⁶ Если это так, то поселение здесь мадьяр произошло не раньше конца 20-х годов IX в. Между тем Грегуар пишет, что „гунны, турки, угры, саварто-асфалы обитали в течение трех веков (до 896 г.) между Доном и Дунаем, и политическим центром этой области был кантон, называвшийся Лебеда, который находится в окрестностях современного Лебедина, недалеко от слияния Ингульда и Ингула“, причем утверждает, что этот населенный пункт существовал уже в конце VI в.⁵⁷ Грегуар не задается вопросом, почему венгры, если они кочевали 300 лет в южно-русских степях, оставили так мало памяти по себе в русской летописи.

В произвольности толкования текстов, в громадных преувеличениях выводов нередко упрекали Грегуара Дольгер, Острогорский, Ш. Диль. Даже журнал *Βυζαντινά μετὰ Βυζαντινά*, поместивший сплошной панегирик Грегуару, должен был отметить, что „его мысль слишком быстра, и он слишком нетерпелив в своих исканиях“.⁵⁸

Можно привести много других аналогичных примеров, характеризующих научные методы и научную направленность бельгийского византиниста, возглавляющего ныне буржуазное византиноведение. Но приведенных примеров, я полагаю, достаточно для демонстрации его враждебного отношения к народным массам, произвольного обращения с историческими фактами, полного отказа от обобщений и выводов, его тенденциозности. Мы знаем, что Советский Союз и его политика, а также прошлое

⁵³ H. Grégoire. Maurice le Marcioniste. Byzantion, XV, p. 395.

⁵⁴ Виз. Врем., т. I (XXVI); М. Левченко. Венеты и прасины в Византии в V—VII вв.

⁵⁵ H. Grégoire. L'habitation primitive des Magyars. Byzantion XV, 277.

⁵⁶ De adm. Imperio c. 38.

⁵⁷ Byzantion XIII, 1, p. 410.

⁵⁸ Βυζαντινά μετὰ Βυζαντινά, p. 25.

и настоящее нашей страны подвергаются злобным нападкам со стороны империалистического окружения и его ученых прислужников. Ученая деятельность Грегуара даже в такой, казалось, отдаленной от современной области, как византиноведение, может служить хорошей иллюстрацией этого положения, помогает отбросить ошибочное представление о чистой, академической науке, будто бы существующей у буржуазных специалистов. Да и сам Грегуар не скрывает политической направленности современного буржуазного византиноведения. Еще во время войны он писал в своем журнале: „Теперь, когда географическая и историческая важность Византии — Константинополя — Стамбула проявляется все решительнее, когда вопрос о проливах является главнейшим в европейском и мировом конфликте, когда владения (некогда византийские) в Европе и Азии снова являются осью цивилизованного мира, — нет нужды агитировать за историю Византии. Она силой вещей снова введена в общую культуру, даже в Америке. И не будет парадоксом сказать, что США теперь не встретят взятия Константинополя с такой тупой инертностью, как это было в Западной Европе в 1453 г.“⁵⁹

Это лишний раз свидетельствует об откровенном пресмыкательстве тех западноевропейских ученых, которые, не брезгуя явной фальсификацией истории, стремятся помочь американскому империализму в его попытках установления мирового господства.

М. В. Левченко.

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ВИЗАНТИНО-МОРАВСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В СЕРЕДИНЕ IX в.

Эта тема имеет чрезвычайно большое значение и для политической и для культурной истории славянских народов. В упорной борьбе с немецкой агрессией молодое славянское государство должно было искать внешней поддержки, — поэтому моравский князь Ростислав обращается в Константинополь. Византийский император Михаил III и патриарх Фотий посылают в Моравию церковную миссию, во главе которой стоят крупные византийские дипломаты: солунские братья Константин и Мефодий. Стремясь установить моравскую церковь, независимую от немецких епископов, защищавших интересы немецких феодалов, византийские миссионеры выступают с лозунгом создания славянской литургии, церковной службы на славянском языке. Для этого Константину и Мефодию пришлось разработать славянскую письменность и перевести на славянский язык большое число богослужебных книг. С этих переводов Константина и Мефодия и приходится начинать историю славянской литературы.

Однако известия о византино-моравских отношениях в середине IX в. скудны. Эти сведения приходится черпать почти исключительно из иностранных житий солунских братьев, из так называемых „Паннонских легенд“. Однако вопрос о характере и времени создания Паннонских легенд весьма сложен, и разногласия в датировке их в буржуазной науке продолжают и до последних дней. В то время как известный польский историк А. Брюкнер, впадая в крайность, считал автором или, по крайней мере, редактором жития Константина (далее обозначается ЖК) самого Мефодия, к тому же собравшего материал для собственного

⁵⁹ Byzantion XVI, t. 2 (1942/3). Book Reviews; Ostrogorsky. Geschichte des Byzantinischen Staates. München, Beck, 1940.